

А.М. Кузнецов (Даугавпилс, Латвия)

Иорданиди С.И. Очерки по русскому историческому словообразованию. Изд-во LAMBERT Academic Publishing, 2018. 122 с.

А.М. Kuznetsov (Daugavpils, Latvia)

Iordanidi S.I. Studies in Russian Historical Word-Formation. LAMBERT Academic Publishing, 2018. 122 p.

В настоящее время историки и этимологи русского и других славянских языков обладают богатейшими собраниями лексики от начала письменного периода и до современности. На базе картотек составляются и публикуются исторические словари. Весь этот огромный материал требует осмысления в разных аспектах, параллельно с подготовкой словарей осуществляется описание лексической и словообразовательной систем, которое далеко еще до завершения.

С.И. Иорданиди, один из тех исследователей, которые на протяжении многих лет участвуют в этой кропотливой работе, в свою новую публикацию включила несколько очерков по историческому словообразованию, посвященных субстантивным отглагольным дериватам с малопродуктивными суффиксами *-тва/-тво*, *-унь*, *-нь*, *-нь*, *-ьць*, а также глагольным образованиям с префиксами *раз-/роз-*. Выбор именно этих участков словообразовательной системы оправдан их малой изученностью, автор пытается их анализ вписать в рамки диахронно-синхронного исследования, поскольку диахроническое исследование периферийных участков деривационной системы дает новые данные для решения теоретических проблем исторического и синхронного словообразования.

Весь материал распределяется по периодам – дериваты в древнерусском языке, старорусском языке, в XVIII в., в современных диалектах и литературном языке. Сами источники при этом – книжные и некнижные – получают разные пропорции в этих периодах, поэтому выводы об отсутствии тех или иных лексем или значений в какой-то из периодов не могут быть окончательными. Например, *колунь* в СлРЯ XI–XVII вв. фиксируется только в значении ‘растение, которое колется’ (см. ниже), хотя во всех восточнославянских языках оно известно и в значении

‘топор’. С.И. Иорданиди, опираясь на данные словарей и картотек, намечает пути исследования, понимая, что они требуют продолжения.

Автора интересует более не формальная сторона словопроизводства (какие основы глаголов присоединяют перечисленные суффиксы), хотя по необходимости такой комментарий дается, а семантическое преобразование отглагольных словообразовательных типов, на это указано уже в подзаголовке очерков. Значения девербативов С.И. Иорданиди делит на три группы: 1. $V-N_V$, т. е. существительное со значением процессуального признака; 2. $V-N_S$, т. е. существительное со значением предметности; 3. $V-N_{VS}$, т. е. существительное, совмещающее в себе значения процессуальности и предметности.

Для суффикса *-тва* уже в древнерусский период характерны все три типа значений: предметное – *бритва, хранитва, чувитва*, процессуальное – *гонитва, мытва, пиритва, питва*, наконец, мутационно-транспозиционное – *жатва, жрътва, клатва, ловитва, молитва*. Дериваты с суффиксом *-тво* представлен реже и представляет параллель к *-тва*. В старорусской письменности новообразования продолжают сохранять транспозиционную функцию, но расширяется круг предметных значений. Новые предметные значения даже у старых дериватов характеризуют диалектную речь: *битва* ‘бойкий ребенок’, *бритва* ‘рыба, причисляемая к роду сельдей’. Книжные формы послужили источником проникновения этой словообразовательной модели в диалектный язык, где она стала активной.

Подобным же образом в древнерусский период зафиксировано только 3 девербатива с суффиксом *-унь*, все со значением *nomina agentis*: *бъгунь, вьдоунь, птьстоунь*. Зато в старорусский период количество их увеличивается: *болтунь, кликунь, колдунь, крикунь, опекунь, ползунь, рыскунь* и др.; к ним добавляются девербативы с разными предметными значениями *падунь, глездунь, болтунь, топтунь*, среди которых имеется группа названий растений *блискунь, блъскунь, колунь, плакунь, скрипунь*. В XVIII в. появляются новые названия людей и животных: *брезгун, бормотун, вьщунь, воркун и воркотун, говорун, грызун, дергун, драчун, игрун* и мн. др. В современных говорах и литературном языке выделяются несколько семантических типов. К сожалению, в работе не упомянут девербатив *корочоунь* – праславянское образование, утратившее на восточнославянской почве этимологическое значение (первоначально ‘шагающий’ > ‘смерть, уход’ > ‘переход солнца на лето или на зиму’) из-за утраты самого глагола **korčiti*.

Что касается девербативов с суффиксом *-нь*, то С.И. Иорданиди указывает на единственное образование *стань* в древнерусский период. Можно было бы дополнить ее данными примерами *дърнь, гърнь*. Само же образование *стань* с момента фиксации в древнерусских текстах в XIII в. имело уже несколько значений, из которых значение ‘лагерь, стоянка’ известно в старославянских текстах. Остальные сохранялись в старорусский период – ‘подстава’, ‘волостное деление’, когда развиваются новые значения ‘машина, станок’ и ‘туловище’.

Девербативы с суффиксом *-нь* также отмечаются с процессуальным и предметным значением в древнерусский период. В старорусском языке их количество увеличивается, новые значения появляются в связи с изменениями в культуре. Диалектный язык демонстрирует новые значения (например, состояния), которые связаны с новыми отношениями мотивации: *рваный – рвань, усталый – устань*.

Иначе выглядит картина мотивационных отношений в образованиях с суффиксом *-ць*, который использовался не только в отглагольных, но и в отсубстантивных (диминутивы и названия жителей) и отагдъективных (*мудрьць, слъпньць*)

дериватах. Девербативы образовывали *nomina agenti*: *бѣгльць, борьць, гоньць, жьньць*. Неличные девербативы еще редки: *насовьць* ‘одна из священнических одежд’, *подобьць* ‘пример’. В среднерусский период ситуация сохраняется. В современном языке увеличивается количество *nomina instrumenti*. Суффикс становится продуктивным, изменяется словопроизводственная база – глаголы, причастия, прилагательные и существительные.

В целом исследованный материал показывает расширение позиций мутационного словообразовательного значения.

Особый раздел, занимающий около 40 страниц, образует исследование употребления глаголов с приставками *раз-* и *роз-*, первая из которых является церковнославянской по происхождению. С.И. Иорданиди приходит к выводу, что в древнерусский период эти приставки распределены по жанрам письменности, но в старорусский период отношения меняются: приставка *раз-* стала шире использоваться в памятниках не книжного характера. Это связано и с тем, что наблюдается демократизация письменности, и с распространением акающего произношения, что отражается в территориальной принадлежности текстов. Эта часть работы содержит огромное количество примеров из словарных картотек и специально из Назирателя – руководства по сельскому хозяйству и ведению домашних дел.

В Приложении к Очеркам С.И. Иорданиди помещает эссе «Критическое наследие В. Ягича». Оно написано с чувством большого уважения и понимания огромных заслуг В. Ягича в области славистики как филолога широкого профиля, в том числе в издании древних памятников. Автор привлекает большой критический и эпистолярный материал. Многочисленные работы критической направленности, опубликованные как в отечественных изданиях (РФВ, ЖМНП), так и в основном В. Ягичем журнале «Archiv für slavische Philologie», содержат новые интересные наблюдения, могущие служить дополнительным источником знаний по ряду проблем филологии в разных славянских языках и дать импульс к новым историко-лингвистическим построениям.

Книга С.И. Иорданиди представляет определенный интерес для историков языка. Обильный материал по дериватологии, его диахроническое описание несомненно будут востребованы специалистами.

Сведения об авторе:

Анатолий Михайлович Кузнецов,
доктор филологии
ассоциированный профессор
гуманитарный факультет
Даугавпилсский университет (Латвия)

Anatoly Kuznetsov,
Doctor of Philology
Associated Professor
Faculty of Humanities
Daugavpils University (Latvia)

anatolijs.kuznecovs@du.lv